

A man with a beard and dark hair, wearing a white long-sleeved shirt, stands next to a woman with long, wavy blonde hair. She is wearing a white, off-the-shoulder lace dress. They are both looking towards the camera with serious expressions. The background is a bright, indoor setting with a window.

**НАТАЛИЯ
РОМАНОВА**

**ВЕРНУВШИЙ
К СВЕТУ**

Наталия Романова
Вернувшийся к свету

«Наталия Романова»

2022

Романова Н.

Вернувший к свету / Н. Романова — «Наталия Романова», 2022

Когда-то Любе пришлось бежать в ночь, в никуда, с маленьким сыном на руках, спасаясь от моральных издевательств и побоев мужа, и она решила больше никогда не выходить замуж. А ещё лучше – вообще держаться подальше от мужчин, посвятив свою жизнь сыну. Но, спустя год, встретила хирурга Алексея Викторовича, который решил иначе. Он уже вернул Любу к свету один раз, спася ее смертельно раненное тело, получится ли у него исцелить и её искалеченную душу?

© Романова Н., 2022

© Наталия Романова, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Наталья Романова

Вернувшийся к свету

Глава 1

Я бросила последний взгляд на палату в больнице, где провела так много времени, что почти подкрались новогодние праздники – ведь попала сюда в середине осени, когда на серых, оголённых ветвях деревьев еще кое-где торчали самые упрямые листья.

«Спасибо этому дому, пойду к другому», только знать бы, где этот «другой дом».

Теоретически, мне было куда ехать сразу после того, как переступлю порог больницы, где мне спасли жизнь. Практически – я ни разу не была в квартире, в которую должна была заселиться пару месяцев назад, но прямо сейчас смысла в этом я не видела.

Я отлично помнила, что мне назначен курс реабилитации. Необходимо посещать врачей, ходить к ним, как на работу, только на всё эту роскошь нужны деньги, у меня же имелись другие потребности, более важные, чем собственное, собранное по крупицам здоровье. Главное – правильно расставить приоритеты. Я свои расставила.

Заглянула старшая медсестра, улыбнулась, протянула несколько листов:

– Смотрю, собралась? – дружелюбно поинтересовалась она. – Больничный не нужен, точно?

– Точно, – кивнула я в ответ.

Зачем? К шрамам прикладывать, как подорожник в детстве?

– Хорошо, – ответила старшая. – Удачи, счастливица! – подмигнула она напоследок, прежде чем скрылась за дверью.

Да уж, «счастливица», такая «счастливица», что хоть волком вой. На какой аспект жизни не посмотри – работа, финансы, здоровье, личная жизнь, на которой я и вовсе поставила большой и жирный крест, – сплошное счастье и удача! Просто бьют шоколадным гейзером, не захлебнуться бы в этой... субстанции.

Я подхватила два объемных пакета, в который раз удивилась, сколько вещей набралось за время пребывания в казенных стенах, и поспешила прочь из надоевшей палаты.

В лифте задержала взгляд на кнопках: почти все светились, лишь несколько этажей не понадобились пассажирам, в том числе и пятый. Протиснулась между бабкой в стоптанных тапках, закутанной в пуховый платок, и двумя молодыми парнями в майках-алкоголичках, шортах и резиновых сланцах. Больничный дресс-код для пациентов во всем разнообразии.

Лифт остановился на первом этаже, вначале выскочили парни, за ними вышли две женщины в тренировочных костюмах, которые живо обсуждали результаты анализа крови одной из них. Выкатилась медсестра, толкая впереди себя тележку с плотно перевязанными пакетами, прошаркала бабка. Я осталась стоять, гипнотизируя цифру «пять» на панели.

– Девушка, вы выходите? – гаркнул мужик с той стороны дверей.

– Нет, я наверх, – поспешила я ответить, в том числе и себе, и уточнила для чего-то, словно хмурому мужику в свитере, покрытым катышками, могло быть интересно. – На пятый.

Выскользнула на нужном этаже, по конфигурации ничем не отличающемся от любого другого в этом двенадцатиэтажном здании. Просторный холл у лифтов, три коридора выходящие из него, широкое окно, диван для ожидающих и посетителей, которых на пятом всегда мало. Операционный блок, ОРИТ и административные кабинеты столпотворению не способствовали.

Сердце колотилось как бешеное, в груди сдавливало до боли, руки вдруг затряслись, дыхание перехватило, спина мгновенно покрылась потом, будто при панической атаке. Я судорожно

рожно пыталась ответить себе на вопросы: зачем вернулась, для чего? Переживаний не хватает, проблем пожелаала?

Того и другого в моей жизни было в таком избытке, что нестерпимо хотелось поделиться со всем остальным человечеством. И всё равно на мою долю останется.

Осторожно постучала в нужную дверь, заглянула, не дожидаясь ответа. Большой кабинет бы уставлен столами, заваленными бумагами, какими-то папками, ручками. На краю каждой столешницы красовался монитор компьютера, вдоль одной из стен возвышался стеллаж от потолка до пола.

За одним столом сидела женщина, обхватив голову руками, и задумчиво тарашилась в широкое, от стены до стены, окно. Она повернулась, взглянула на меня, потом перевела взгляд на того, на кого смотрела я. Его звали Демидов Алексей Викторович, именно это имя я прочитала на вертикальном бейдже, который болтался у него на шее, увидев его в первый раз. Вернее, второй.

Женщина в медицинской форме выразительно фыркнула, встала, проплыла к выходу, вынуждая тем самым меня или выйти из кабинета, или зайти, а не изображать статую на пороге. Я выбрала зайти, раз пришла...

– Я в этот... – Красотка в хирургическом костюме неопределенно взмахнула рукой, якобы вспоминая, куда направилась. – ...О! В статистический отдел, – резюмировала она и выпорхнула, прикрыв за собой дверь.

– Садись. – тот, ради кого я вернулась на пятый этаж, указал на стул рядом со столом, за которым сидел. – Чаю?

Я осталась стоять на месте. Не чай ведь пришла распивать, а поблагодарить Алексея Викторовича, врача, который в прямом смысле спас мне жизнь. Собственными руками, знаниями, умениями, может быть даже душой. Как принято благодарить за подобное? Деньгами? Интересно, сколько стоит жизнь матери-одиночки с дырой в кармане и нулевыми перспективами по всем фронтам?..

– Меня выписали, – выдавила я. – Пришла попрощаться.

– Я понял.

Он улыбнулся, окинул меня взглядом с головы до ног, следом и я мысленно провела инспекцию собственного внешнего вида: свитер крупной вязки, джинсы, которые стали велики, ботинки на высокой, тракторной подошве, добавляющей роста – единственная дорогая вещь на мне, и та купленная не мной. Отросшие волосы собраны в хвост, руки давным-давно без маникюра, лицо без косметики. Наверняка в ярком свете, падавшем из окна, были прекрасно видны синяки и мешки под глазами, как и бледная кожа. Вот шрамы не видно, но для Алексея Викторовича, они, увы, не секрет.

Он резко встал, спешно подошёл ко мне, одной рукой перехватил мою ладонь, второй щёлкнул замком, закрывая дверь. Бережно притянул меня к себе, легко скользнув ладонью под свитер. Мой нос буквально упёрся в грудную клетку, покрытую тёмно-синей хирургической – теперь я знала, что «хирургичка» – это медицинская рубашка, верх от хирургического костюма. Я привычно не почувствовала никаких запахов, лишь совсем немного мыла – совершенно нейтральный. От врачей не должно пахнуть парфюмом.

– Молодец, что зашла, – прошептал Алексей Викторович, нагнувшись к моему лицу.

Оставил лёгкий поцелуй на щеке, провёл там пальцем, словно стирал след от помады, а после надавил тем же пальцем на губы, от неожиданности вынуждая их приоткрыться. Сердце колотилось с невероятной скоростью, в голове с оглушающим звуком бился пульс, ноги подкашивались, когда мои губы обжёг поцелуй, настолько жадный, собственнический, что на секунду я растерялась, забыла, что на самом деле умею целовать в ответ и вообще давно не юная девушка без опыта.

Закинула руки на мужские плечи, почувствовала мышцы, наделённые силой, помимо воли сжала, чувствуя, насколько они твёрдые. И ответила на поцелуй, перешагнула возведённую границу, зная наверняка – это одноразовая акция.

Мы просто с Алексеем Викторовичем больше не увидимся. А значит можно позволить себе слабость – побыть желанной женщиной несколько минут, окунуться в воображаемый мир, где нет проблем, зато есть здоровье, юность и красота.

– Прости, не могу тебя проводить, – оторвавшись от губ, горячо прошептал он, раздражённо взглянув на круглые настенные часы с большими стрелками. – Обязательно сообщи, как доберешься.

– Хорошо. – Я покладисто кивнула и выскользнула из объятий.

Улыбнулась, усилием воли, которой мне было не занимать, сдержала слёзы, нашла рукой защёлку, провернула три раза. Раз. Два. Три. И выскочила за дверь, чтобы быстро пройти по коридору в сторону лифтов. Не оборачиваясь. Тогда я была уверена – не сообщу. Не позвоню. И он не позвонит. Финита ля комедия!

На выходе из больницы перехватила покрепче пакеты, вдохнула морозный, при этом пахнущий сыростью воздух, направилась по узкой асфальтированной дорожке к единственной проходной. Хмурый охранник оглядел меня с ног до головы, будто в двух полиэтиленовых пакетах-майках я пыталась вынести половину дорогостоящего оборудования больницы, в крайнем случае, парочку аппаратов УЗИ. Когда я подошла к турникету, всё-таки посторонился и милостиво нажал на кнопку, выпуская меня на свободу.

На улице я огляделась. Совершенно чужой город, который за время короткого знакомства успел принести боль, страх, отчаяние, ужас, снова боль и бесконечные проблемы, последующие за этим. Причем проблемы не заканчивались, только прибавлялись. Боль проходила на время действия обезболивающих, а страх, кажется, поселился внутри навсегда.

Сейчас бы плюнуть на всё, добраться на вокзал, оттуда домой, к сынишке. Обнять тёплое родное тельце, вдохнуть сладкий запах, увидеть родителей, маму, а не тащиться в неизвестный пригород, где не была никогда в жизни. В чужую квартиру, которую сняли для меня до конца месяца, а дальше «на твое усмотрение» и «по ситуации».

– Любовь Петровна? – услышала я своё имя.

Обернулась. Рядом с автомобилем представительского класса стоял высокий парень, приветливо улыбаясь. Егор, вспомнила я. Он приходил несколько раз по просьбе работодателей, передавал пакеты с едой, одеждой, всем тем, за что мне не расплатиться в ближайшие года три, если не десять. Никто не требовал денег, напротив, неустанно повторяли, что в любой момент мне будет оказана любая помощь, только в благотворительности я не нуждалась. Во всяком случае, изо всех сил старалась в это верить, заставляя себя думать, что обязательно справлюсь со всем сама. С семнадцати лет справлялась, без малого уже одиннадцать лет выходило. Даже когда замужем была – справлялась, теперь тем более обязана.

Егор перехватил пакеты, в ручки которых я зачем-то вцепилась мёртвой хваткой, но он справился, забросил их в багажник, открыл для меня заднюю дверь, помог устроиться, потом бесшумно закрыл дверь, не забыв вежливо улыбнуться, уселся за руль и уточнил адрес, куда меня необходимо было доставить.

Глава 2

На новом месте я спала плохо, вернее сказать, почти не спала, как любой другой ночью в последние месяцы. В голове бродили мысли, одна более упадническая, чем другая, следующая ещё грустней, потом и вовсе на грани отчаяния. При этом никакого понимания, как быть дальше. Как жить? Твёрдо знала лишь одно – жить я должна.

Ходила из угла в угол однокомнатной квартиры, которая оказалась больше и лучше, чем я предполагала. Видно, что накануне моей выписки была сделана тщательная уборка – ни пылинки, ни соринки, хорошая работа клининговой компании. Мои вещи лежали ровными стопками на полке шкафа-купе, не разобранные, деликатно оставленные в том виде, в котором упаковывались в чемодан. Кое-где я нашла пожитки Кирилла – своего трёхлетнего сына, – но основную массу его одежды и игрушек забрал мой отец, когда увозил внука домой.

Холодильник был забит продуктами, в том числе фруктами. На нижней полке красовались три огромных граната, там же стоял литр гранатового сока – средство повышения гемоглобина. На кухонных полках имелся запас круп, макарон, растительное масло, примостился даже кукурузный крахмал – словно без него не прожить и дня.

От всего этого хотелось не радоваться, а выть. Громко. Отчаянно. Со злостью. Хотя на злость, обиду, разочарование я никакого права не имела. Помогали мне от чистого сердца, не требуя ничего взамен, не заикаясь о возврате долга. Мне и отдавать-то нечем, внутренние органы – и те не пойдут на трансплантацию в случае надобности, про деньги заикаться смешно.

И всё-таки я не могла радоваться, получалось лишь не скулить от отчаяния. Я не привыкла быть объектом благотворительности. Конечно, иногда мечтала, что прилетит волшебник в голубом вертолёте, подарит эскимо, оплатит аренду жилья, продукты, косметику, я же буду лежать на кровати, поплёвывая в потолок. А когда случилось нечто подобное, оказалась совершенно не готова принимать помощь.

С семнадцати лет я заботилась о себе сама. Родители, естественно, помогали. Однако с самого первого дня самостоятельной жизни я твёрдо знала – мне необходимо работать, учиться, откладывать средства на чёрный день. Запасаться не только деньгами, ещё знаниями, умениями, опытом, знакомствами, в конце концов. Я жила своим умом, совершала собственные ошибки и единственное, чего хотела – никогда в жизни ни от кого не зависеть.

Той ночью, сидя в чужой квартире, разбитая в прямом и переносном смысле, сломленная, совершенно несчастная, испуганная будущим, я понимала, что на самом деле всегда была права – независимость важнее всего. Мне предстояло в очередной раз начать жизнь заново, но сил хватало лишь глотать слёзы, уткнувшись взглядом в светлые обои.

Приехала я в этот город полная если не надежд, то планов. Через неделю после приезда должна была выйти на работу. За это время предстояло успеть устроить сынишку в садик, и я заранее подобрала несколько частных на время, пока дождёмся места в муниципальном. Потом осмотреться и обустроиться. Через месяц, убедившись, что всё хорошо, перевезти остатки вещей на новое место жительства. Не такие и грандиозные планы, в общем-то. Осуществимые. Первое время пришлось бы трудно, но не сложнее, чем после развода, когда я осталась ни с чем и с ребёнком на руках. Наверняка проще времён, когда я приехала в столицу Сибири из небольшого села, что стояло на берегу реки, среди густой тайги и диких зверей, которые иногда забредали в поисках лёгкой наживы к окраинам деревни.

Всё оборвалось быстро, почти мгновенно, несмотря на то, что тогда казалось – произошедшее тянулось целую вечность. Из моей памяти стёрлись детали. Психологи в один голос твердили, что это защитная реакция психики. Мозг отказывался погружаться в негативные воспоминания, сопротивлялся, замещал странными, сюрреалистичными картинками, которые не имели отношения к случившемуся в тот день.

Однако, я отлично, буквально по миллисекунде могла вспомнить последние колебания воздуха своей нормальной жизни. Миг, когда слышала оглушающий грохот взрыва, почувствовала ломающую боль во всем теле, которая, казалась, раскалывала на миллиарды осколков, и поняла, что крепко держу перед собой сына, развернувшись спиной к источнику опасности.

Позже я узнала, что именно это спасло жизнь моему Кириллу. Если бы я каким-то невероятным чудом не успела закрыть его собой – он бы наверняка не выжил. В итоге он «обошёлся» лёгкой контузией, а я... Я выжила, потому что позволить себе умереть попросту не могла, несмотря на то, что хотела этого сильнее всего на свете.

Следующее моё относительно чёткое воспоминание было о том, как нечто неясное, агрессивное, вытаскивало меня из окружающей темноты, настолько комфортной, удобной, что хотелось остаться там навсегда. Клиническая смерть. Вот только я не летела по длинному коридору, не видела свет в конце туннеля, никто не простирал ко мне руки, я не видела своё тело со стороны. Мне было тепло, спокойно, я не чувствовала ничего, кроме оглушающего желания оставаться там, где находилась.

Резкий искусственный свет, нарушающий мой маленький, уютными мирок, за который я изо всех сил держалась, ужасно раздражал. Я пыталась отмахнуться от него, отбиться, понимая, что не могу ни того, ни другого. Нечто держало меня, хватало с такой отчаянной силой, что хотелось наорать, избить, искутать, чтобы снова очутиться в спасительной темноте, где не было боли, свет не резал глаза, не драло горло, не ломало тело.

– Пожалуйста, – мысленно кричала я. – Пожалуйста! Оставьте меня там!

Вот тогда, резко вынырнув, как из проруби, я очнулась. Первое что увидела – серые глаза в обрамлении пушистых неярких ресниц. Странно, позже я не могла сфокусировать зрение ни на чём, но те глаза рассмотрела в мельчайших подробностях. От разреза, густоты ресниц до расцветки радужки – тёмной, почти чёрной по краю, с расходящимися от зрачка лучиками более светлого оттенка серого.

– Жить не хочешь, значит? – спросил обладатель этих глаз.

Рост, возраст, даже пол я идентифицировать не могла.

В ответ я качнула головой или мне показалось, что качнула. Я не хотела жить. Жить – это чувствовать свет, боль, накатывающий ледяными волнами страх. Нет, я не хотела этого. Мне нужно было в свою комфортную темноту.

– Надо, понимаешь, надо, – продолжило сероглазое нечто. – У тебя сын. Кирилл. Три года. Кирилл. Сын. Три года, – повторил он несколько раз. – Придётся жить. Поняла меня?

Я вспомнила. Поняла. Выжила.

С трудом отогнала воспоминания – совершенно не время сейчас думать о плохом. Нужно собраться и составить хоть какой-нибудь план на обозримое будущее.

Например, купить билет, отправиться к родителям, к сынишке. Им всем необходима моя помощь. У мамы после произошедшего со мной и Кириллом, случился инсульт.

Она быстро восстанавливалась, уверенно шла на поправку, но присматривать в её положении за трёхлеткой сложно. Из отца же помощник плохой.

В семье, где я родилась и выросла, всегда было чёткое, однозначное разделение на мужской и женский труд, строго поделены обязанности. Отец совершенно не умел готовить, даже самые простые блюда, каша или отварные макароны, ставили его в тупик. Он не знал, как стираются вещи, сколько раз в неделю нужно мыть полы, протирать пыль, не имел представления, где в доме находится утюг, о разных режимах глажки тоже не слышал.

В свою очередь, мама не знала, где хранятся столярные и другие инструменты. Ей никогда в жизни не пришлось бы в голову забить гвоздь самой, переставить стол, перекопать огород, тем более выйти на работу. Деньгами нашу семью всегда обеспечивал отец, когда-то работой в леспромхозе, потом промысловой охотой.

Такой образ жизни казался мне неправильным, вернее нежизнеспособным. Случись с одним членом семьи несчастье, второй оставался беспомощным. Правда, до этого года я считала, что подобное положение делает уязвимой женщину, ставя в зависимое положение, но как выяснилось – мужчине, не умеющему себе ложку подать, тоже тяжело остаться на старости лет без полноценной опеки жены.

Конечно, я должна была ехать к родителям, брать хозяйство в свои руки. Помогать восстанавливаться маме, ухаживать за отцом, заниматься здоровьем сына. Только на всё это нужны деньги! Прожить вчетвером на две небольшие родительские пенсии невозможно. Если же покупать все лекарства, которые прописали маме, то денег не останется и на скромную еду.

Выходило, что мне срочно нужны были средства, желательно сейчас. Квартира была снята до конца месяца. Средние зарплаты здесь считались больше, чем я смогла бы получать в Новосибирске при самом оптимистичном раскладе. Значит, единственный выход – найти работу в этом регионе. Хорошо бы бухгалтером, по специальности, но тогда я была готова на любую: товароведом, продавцом, разнорабочей. Чего я действительно не боялась никогда – это работы. Как уехала из отчего дома, хваталась за любую. Трудилась официанткой, мерчендайзером, супервайзером, вторым бухгалтером, дошла до главного. Постепенно набиралась опыта, параллельно училась сначала в институте, на одних курсах, других, третьих, пока не вышла замуж.

На этом моё триумфальное покорение карьерных вершин закончилось. С тех пор многое изменилось, мир вокруг меня и внутри стал другим, но одно я знала наверняка – работы я не боялась никакой.

Всю ночь меня бросало из крайности в крайности. Выбрать что-то одно, сосредоточиться, составить примерный план хотя бы на завтра, я не могла. Психолог предупреждал, что так и будет, но одно дело – предполагать, какая будет реакция на первую встречу с реальностью, другое – столкнуться. С собственной беспомощностью смириться было сложно, даже страшно.

Сумбур в голове и чувствах заставил меня провалиться в тревожный сон, где один и тот же голос повторял: У тебя сын. Кирилл. Три года. Кирилл. Сын. Три года. У тебя сын. Придётся жить. Поняла меня?

Теперь я знала, кому принадлежал этот голос и серые глаза в обрамлении пушистых ресниц. Второй раз я его увидела, как мне думалось, через несколько часов после первого, но оказалось, что через несколько дней. На болтающемся поверх голубой хирургички бейджа было написано «врач-хирург Демидов Алексей Викторович». Он приветливо улыбался, увидев мой взгляд, и продолжил колдовать над моим телом.

Самой себе я напоминала резиновую куклу со множеством катетеров, дренажей в самых неожиданных местах. О том, как все эти приспособления называются, я узнала позже, тогда же из меня торчали «трубки», как из осьминога щупальца. С одним из таких «щупалец» занимался Алексей Викторович, а я переводила взгляд от бейджа с именем к рукам в перчатках и обратно. В конце он подмигнул мне, уверенно сказав:

– До встречи. – И скрылся из поля зрения.

Может быть, он был рядом, казалось, я слышала его голос, но привстать и оглядеться не могла, да и не хотела. Сон побеждал любые желания.

Третий раз мы встретились, когда Алексей Викторович бесцеремонно заявился в мою палату за час до отбоя, уселся напротив кровати на стуле, вытянув ноги, и просканировал меня взглядом с ног до головы.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

В одно мгновение выражение его лица изменилось, из изучающего превратившись в приветливо-дружелюбное.

– Хорошо, – ответила я.

– Хорошо-хорошо? – уточнил Алексей Викторович, всматриваясь мне в лицо, что почему-то заставило меня покраснеть, несмотря на то, что с моим уровнем гемоглобина я могла бы сыграть без всякого грима труп в любительском театре.

– Д-да, – кивнула я.

– Позвольте?

Алексей Викторович поднялся, достал перчатки, показал жестом, что собирается меня осмотреть. Я согласилась, вернее, сделала вид, что даю согласие. Разве у меня был выбор? Потребовать другого врача на основании того, что этот заставил мою, обделённую эритроцитами личность, краснеть? Это было бы верхом наглости и неблагодарности с моей стороны.

Отвела глаза в сторону, смотреть на перевязку почти на весь живот не хотела. Неровные края виднеющихся разводов зелёно-бурого цвета пугали. Мне казалось – там, под белым пластырем, страшная, зияющая рана, которая навсегда изуродовала меня. К тому же я боялась боли. К этому времени я привыкла, что больно было почти всегда, приняла это как должное, но нет на свете существа, которое стремилось бы усилить собственные страдания. Я тоже не хотела.

Зажмурилась, отвернулась в сторону стены, резко выдохнула, замерла, пережидая осмотр.

– Давай спинку посмотрим, – как маленькой сказал он.

Пришлось неуклюже, вздыхая и корячась, менять положение.

– Всё хорошо, – услышала я.

Я готова была поспорить, поскольку хорошо мне не было. Нигде. Никак. Но ничего не ответила. Я выжила благодаря врачам, дышала, могла двигаться, пусть с трудом, но ведь могла. Смотрела на божий свет, видела далёкую иллюминацию города в окне, поговорила по телефону с мамой, обняла отца – разве это не заслуживало характеристики «всё хорошо»?

– Там правда не всё так страшно, как кажется, – сказал Алексей Викторович, укрывая меня одеялом, показывая взглядом в область моего живота, а после вышел.

– До свидания, – сообразила я попрощаться, когда дверь уже закрылась, и добавила в тишину палаты: – Спасибо...

Через час заглянула медсестра, её звали Аня. Славная, добродушная и очень болтливая молоденькая девушка, закончившая колледж в этом году. Кажется, её рот не закрывался ни на минуту.

– Готовим попу, – с порога заявила Аня победным голосом, продемонстрировав два шприца.

– Почему два? – спросила я. Вчера и позавчера был один укол на ночь.

– Алексей Викторович назначил. Не переживайте, Алексей Викторович лучший, лишнего не пропишет. Вам сильно повезло, что его выдернули в выходной день, когда вас привезли, иначе... – Аня замолчала, сообразив, что сказала лишнее. – Он вообще – врач от бога! Только вам дважды жизнь спас, а так – не сосчитаешь скольким. А видели, какой красивый? У нас почти все девочки в него влюблены или были влюблены, и пациентки постоянно влюбляются, только всё без толку. Но это ерунда, главное – руки у него золотые, и голова, и сердце, и... – трещала и трещала Аня, расписывая достоинства человека с золотыми руками, головой, сердцем и другими органами, который, как оказалось, дважды спас мне жизнь – Алексея Викторовича Демидова.

В итоге я всё-таки крепко заснула, провалилась в сон, как в чёрную космическую дыру, из которой никак не могла вынырнуть, кружилась по краю сновидений, словно у горизонта событий.

Выдернул меня настойчивый звонок в дверь вперемешку с настырным стуком. Кое-как собрала мысли, сумела встать с дивана. Оглядела себя – помятая трикотажная пижама, мах-

ровые носки из разных пар. По обыкновению бледная, лохматая и такая же мятая, как трикотажный комплект на мне, в синюю мелкую клетку.

– Алексей Викторович? – уставилась я на того, кто стоял на пороге, одновременно сообщая, что нужно была спросить, кто за дверью, и не понимая, что он делает здесь...

Глава 3

Я отступила на пару шагов, хотя единственное, что нужно было сделать – быстро рвануться вперед и успеть закрыть дверь перед лицом гостя. Ногу в проём двери он не поставил, это я отметила краем сознания, скорее рефлексивно, но отчего-то отступила. Дура!

– Я зайду? – неверно истолковал мой жест Алексей Викторович.

И действительно зашёл, скинул куртку одним движением, вторым пристроил её на пустующую настенную вешалку, где одиноко висел мой пуховик, на верхней полке устроились мои же вязаная шапка и шарф. Разулся, аккуратно поставил обувь, пробежался взглядом по полу в поисках мужских тапочек, которых, естественно, не нашёл. Рядом с обувницей пристроились мои – розовые с изображением малиновых бантиков, те самые, в которых я ходила в больнице. В квартире я, по привычке, ограничилась носками.

– Проходите, – понуро, с опозданием, кивнула я, тяжело, с физически ощутимым скрипом соображая, что нужно сказать, сделать... – На кухню?

Прозвучало вопросительно, однако, меня поняли и пошли, куда пригласили.

Показавшееся накануне просторным помещение сразу стало меньше, когда туда вошел Алексей Викторович. Я поплелась к столу, нажала кнопку электрочайника. Внимательнейшим образом изучила и сам электроприбор, и двойную розетку, в которую он был подключён, и рисунки на кафельной плитке в стиле пэчворк.

Обернулась от колкого чувства присутствия постороннего человека в своём пространстве. Вроде знала, что здесь, совсем рядом, находится мужчина. Сама же сказала ему: «проходите», но холодные мурашки поднялись на ледяные лапки, заметались в панике вдоль спины.

Алексей Викторович, как остановился в дверном проёме в виде арки, ведущей из небольшого коридора в кухню, так и остался стоять. Прислонился одним плечом к косяку. Совершенно непривычный, непохожий на себя. Внешне тот же: высокий рост, я бы не удивилась, узнай, что он играл за сборную института по баскетболу или волейболу. Длинные ноги, широкие плечи. Про такое телосложение говорят «атлетическое».

Тёмно-русые волосы, скорее каштановые, серые глаза. Светловатые и настолько густые ресницы, что невольно задаёшься вопросом, для чего природа наградила таким богатством мужчину.

Лицо? Приятное лицо, наверное, красивое. Высокие скулы, волевой подбородок. Ямочка на щеке, которая словно заблудилась, случайно прыгнула к взрослому мужчине от беспечного старшеклассника и осталась навсегда. Эта ямочка умело сглаживала любые резкие слова её обладателя, придавая лицу добродушное выражение.

И всё-таки совершенно другой. Скорей всего на меня влиял непривычный вид. До этого утра я видела Алексея Викторовича только в хирургическом костюме, зелёном, бирюзовом или сером. Иногда поверх был накинут белый халат. Обязательный бейдж на груди, медицинская обувь.

Джемпер, подчёркивающий мышцы рук и груди, современные тёмные джинсы, крупная пряжка ремня – всё это дезориентировало. Я словно видела другого человека перед собой. Двойника, брата-близнеца, голограмму, кого или что угодно, но не Алексея Викторовича.

– Неловко получилось, – улыбнулся он. – Первый раз пришёл в гости к девушке – и без вина, цветов и конфеты.

Интересно, существовали ли ситуации, когда он улыбался, а заблудшая ямочка на щеке не заставляла улыбаться в ответ? Я поймала себя на смущённой улыбке, хотя радоваться было нечему.

В моём доме находился мужчина, про которого я почти ничего не знала. Фамилию, имя, отчество, место работы, цвет глаз, то, что он спас мне жизнь. При этом вряд ли хоть один человек на земле знает, что он сейчас находился здесь. Бестолочь...

– Я не пью, – промямлила я. – И не ем. Конфеты.

– Зря, – фыркнул он. – Конфеты – дар богов бестолковому человечеству.

– А... ну да... – ответила я. Дар богов. И опомнилась: – А вы зачем пришли?

Мурашки, дары богов – это всё интересно, но мне не хотелось думать обо всём этом. Лишние, пустые мысли, которые скакали как блохи, раздражали. Позволить себе расслабиться я не могла. Поверить, что этот привлекательный мужчина, спасший мне жизнь, прилетел сюда после бессонной смены только потому, что волновался обо мне, было слишком откровенной роскошью.

Я закрылась на сотни замков. Была твёрдо намерена никого, никогда, в любой, самой фантастической ситуации, не пускать на свою территорию, как бы соблазнительно это ни выглядело в фантазиях. Что греха таить, время от времени я представляла, как бы всё могло выйти у меня с Алексеем Викторовичем, если бы не бесконечные «но» в моей неустроенной жизни.

В моих мечтах, Алексей Викторович был Алексеем или Лёшей. У нас с ним закрутился долгий, страстный роман, телесная близость постепенно переросла в душевную. Все закончилось созданием дружной, счастливой семьи. С тем же успехом можно было мечтать о цветущих вишнёвых садах на Марсе. Жизненный опыт и жестокая реальность бесцеремонно подсказывали, что время розовых единорогов, если оно и было у меня, бесследно прошло.

Я должна была позаботиться о сыне, о родителях. Об их здоровье, благополучии, финансовой стабильности, которые я, и только я могла дать. У меня были и есть братья, но они давно жили обособленно, своими семьями и нуждами. Ничего не просили у родителей, но и давать не спешили. Ограничивались поздравлениями с праздниками и редкими телефонными звонками. Один забрался в Германию, второй в Австралию – с тем же успехом он мог жить на обратной стороне Луны. Мне необходимо было помочь родителям, подумать о Кирюшке.

Помнить, что мечты о прекрасных принцах – удел наивных девушек, которые пока не знают, что принцев нет. Их не мало, они не штучный товар, достающийся хорошим девочкам, их попросту не существует.

И главное – отдавать себе отчёт, что не с моей теперешней внешностью заводить отношения, даже временные и поверхностные. «Для здоровья», как советуют женщинам современные гуру психологии из Инстаграма.

Здоровье... Интересно, перелом двух рёбер или сломанные пальцы кому-нибудь приносили здоровье? Нет! Именно это мне принесли отношения с женщиной, помимо сына и бесконечных передряг, из которых я несколько лет не могла выбраться. Пока не попала в новый виток, который показал – раньше у меня проблем не было вовсе.

Воспоминания, которые преобразовывались в тягучие, похожие на густой кисель мысли, заставили меня вздрогнуть всем телом и снова покрыться ледяными мурашками.

– Зачем вы пришли? – повторила я свой вопрос, откопав под руинами самооценки и под гнётом страха уверенный тон.

– Ты не догадываешься?

– Нет, – отрезала я.

– Потому что ты не брала трубку и не отвечала на мои сообщения, – просто ответил Алексей Викторович.

Я действительно не брала телефон, не отвечала на сообщения. После того как поговорила с отцом и Кирюшей, отключила сотовый. Нужно было занести человека, который спас мне жизнь, в чёрный список везде, где он мог до меня добраться. Рука предательски дрогнула. Слабость усыпила бдительность, уговорила, что прямо сейчас необязательно. Да и не станет

Алексей Викторович звонить, приходить, искать встречи со мной. Что за вздор?! И я точно не стану.

Расплата не заставила себя ждать. Алексей Викторович стоял на моей кухне, вёл светские беседы, по своему обыкновению игнорируя мой непритязательный вид.

– Я отключила телефон, – сказала я.

– Я ждал твоего звонка или сообщения, волновался, – искренне ответил он.

На долю секунды я устыдилась. Иррациональное чувство погибло быстро и без мучений под доводами здравого смысла: стыд за собственное поведение, за мысли, чувства, желания – вот с чего начинались мои отношения с бывшим мужем. Закончились они личным адом. Пройти этот путь второй раз я не собиралась.

К тому же, как бы ни был приятен интерес Алексея Викторовича – молодого, привлекательного, успешного мужчины, – поверить в него я не могла. Искала понятное, простое объяснение происходящему. Ничего, кроме криминала или психиатрических отклонений в голову не приходило. Я хваталась за эти версии, верила им.

Разве я, такая, какой он меня видел, могла заинтересовать? Несчастливая неудачница, не знающая, как и на что жить дальше. Бледная немощь, «разукрашенная» шрамами на спине и одним, зато откровенно пугающим, на животе. Я сама еле сдерживала рвотные позывы, когда видела это. Вообразить, что подобное может привлечь мужчину, невысказано.

– Предвосхищая вопрос об адресе, отвечу, – продолжил Алексей Викторович. – Я не был уверен, что найду тебя по месту жительства, указанному в истории болезни. Действовал на удачу. Ну и запомнил, что ты говорила.

Мысленно я отвесила себе увесистый подзатыльник за беспечность. В больнице всё казалось ненастоящим. Несмотря на боль, первое время невыносимую, не проходящую, я чувствовала себя в безопасности. Пришло время расплаты?..

Посмотрела на Алексея Викторовича, тот не сменил положения, смотрел по сторонам, останавливаясь взглядом на деталях интерьера, но чаще всего его глаза были прикованы ко мне. При этом он не двигался, казался расслабленным, благодушным. Не был похож на человека, который прямо сейчас начнёт распускать руки. Пока не начнёт или никогда – вопрос открытый, ответ на который мне совершенно не хотелось искать.

– Послушай, – вдруг сказал Алексей Викторович. – Честно говоря, я голоден, бизона бы съел. Внизу дома видел быстро с рекламой комплексных завтраков на входе. Сходим? Тебе тоже не помешает подкрепиться, – он подмигнул, сверкнув добродушной ямочкой на щеке. – Кажется, я там видел блинчики, – улыбнулся, как котят, которому перед мордой поставили миску с любимым лакомством.

Это была отличная возможность выбраться из квартиры в более безопасное место, но, вопреки железным доводам разума, я вдруг, совершенно неожиданно для себя, ответила:

– Я сама могу блинчиков напечь.

Вчера я видела упаковку муки, яйца, молоко, за ночь продукты не могли испариться, если только не были плодом моего воображения.

– Правда? Умеешь? – восторженно, как ребёнок, уточнил Алексей Викторович, чуть в ладоши не захлопал, честное слово.

– Что тут уметь-то? – в свою очередь опешила я.

Блины – самое простое блюдо, которое придумало человечество. Сколько себя помню, я умела печь блины, оладьи, сырники. Лет в пять точно заправски выливали тесто на сковороду и лихо переворачивали прозрачные на свету блинчики.

Женщины любят говорить, что не умеют, не хотят готовить, что это унижающее достоинство занятие, «не их», но по правде умеют все, иначе многие умерли бы от голода. С той зарплатой, которую получает большинство, по ресторанам не находишься, а есть хочется не один раз в день. «Маковые зёрнышки», которыми иногда питаются дамы, и то нужно приготовить.

Я же солнцеедкой никогда не была, становиться ею не собиралась, энергией вселенной питаться не умела. У меня рос сын, поэтому готовить я умела. Блины испечь точно не проблема.

– Могу помочь, – Алексей Викторович сделал шаг вглубь кухни, оторвавшись от косяка. – Я профессионально взбиваю тесто с помощью миксера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.